

18+

МАРИНА КИРИЛЛОВНА
МАХОРТОВА

В ПОИСКАХ ХАРМСА

Марина Махортова

В поисках Хармса

«Издательские решения»

Махортова М. К.

В поисках Хармса / М. К. Махортова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855421-6

Ранним мартовским утром 2016 года героиня Марина, от лица которой ведется рассказ, переживает ужас, обнаружив себя в теле девочки 16 лет в доме своего детства в Ленинграде второй половины 70-х годов 20 века. Марина перебирает все возможные объяснения произошедшему и решает, что для возвращения в свое время ей необходимо что-то исправить в прошлом. Толчком к переносу во времени служат неразгаданные семейные тайны, связанные с поэтом Даниилом Хармсом.

ISBN 978-5-44-855421-6

© Махортова М. К.
© Издательские решения

Содержание

В поисках Хармса	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

В поисках Хармса

Марина Кирилловна Махортова

Большая благодарность за веру в успех, поддержку и бесценную помощь моей семье, без которой не было бы этой книги

Марина Кирилловна Махортова *Иллюстратор*

© Марина Кирилловна Махортова, 2022

© Марина Кирилловна Махортова, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-4485-5421-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В поисках Хармса

*Но чудо есть чудо, и чудо есть Бог.
Когда мы в смятены, тогда средь разброда
Оно настагает мгновенно, врасплох.
Б. Пастернак*

Слышу, как стучат капли. Надо проснуться и посмотреть: вдруг течет с потолка. Но глаза не открываются, сон затягивает. Наконец делаю усилие и сажусь на постели. В темной комнате кто-то ходит. Наверное, Саня собирается на работу.

Я бормочу:

– Где-то капает, слышишь?

В ответ мама:

– Спи, спи, чего всполошилась? Это дождь. Рано еще. У тебя же каникулы, забыла? Я только утюг возьму, а ты спи.

Опять темно и тихо. Можно спать. Какое счастье. Падаю головой в подушку. Но какое-то беспокойство мешает, что-то не так. Почему мама здесь? И каникулы? Зимние, что ли? Наверно, я заспалась, это сон. Сейчас открою глаза и посмотрю на часы. Электронные часы напротив кровати обычно светят мне в глаза зеленым. Но сейчас темно, только прямоугольник окна синее, и стучит дождь. Слышу мерное тиканье! Тиканье? Но у нас нет механических часов! Что же это? Я не дома?

Нужно лечь, нужно успокоиться, нужно подумать... И лучше закрыть глаза.

Стучат в дверь. Знакомый голос: «Марина! К телефону!» Нащупываю ногой тапочки, рукой халат и выхожу за дверь. Голова кружится, сердце выскакивает. Все знакомое и незнакомое. Это наш дом на улице Чайковского! Наша коммунальная квартира, длинный коридор, соседка, покачивая могучими боками, удаляется в сторону кухни. Я вспомнила: это Валентина. Еще вспомнила, что муж звал ее «моя кастрюля». Звал-называл, в прошедшем времени. Потому что это было сорок лет назад. Мне приходится опереться о стену из-за навалившейся дурноты. Если это сон, то почему мне так страшно? Во сне даже невозможные вещи кажутся нормальными. Валентина, она, кстати, учительница в начальной школе, обернулась:

– Ты чего, заболела? Зеленая какая! Иди, там подружка твоя звонит, уже второй раз!

– Звонит, – автоматически поправляю я. Дурацкая привычка поправлять. И у младшей дочки моей та же манера. Очень нервирует. Вот так наживают себе врагов. Но Валентина, к счастью, не расслышала.

Буквально сползаю на старенький венский стул, что стоит возле телефона на стене, прикладываю к уху тяжелую черную трубку, распутывая матерчатый провод.

– Да? Слушаю, – выдавливаю из себя.

– Гречь, ты? Я тебя чего, разбудила? Мы же договаривались, забыла, что ли? Я уже выхожу.

– Варь! – уж, Варьку-то я узнаю всегда. Правда, это не ее имя, это школьное прозвище, как мое Греча.

– Знаешь, я что-то странно себя чувствую, ты приезжай ко мне.

– А мы что, никуда не идем? Каникулы же!

– Варь, приезжай, очень надо!

Старый телефон

Я дотаскиваюсь до своей комнаты и падаю в постель. Почему-то кажется, что если скорее лечь и зажмуриться, будет лучше. Но лучше не становится. Может, встать и посмотреть на себя в зеркало? Неужели, и правда, зеленая? Что это, сон или болезнь? Не помню, чтобы во сне

видела себя в зеркале. В комнате заметно светлеет. Это моя комната, которую я так любила. С лепниной на потолке и белой кафельной печью. Как я скучала по этой комнате. Она была для меня целым миром и моим убежищем. И зеркало в старинной дымке на прежнем месте. А в нем – я, почему-то молодая и напуганная. Странно, тревожно и не радостно. Хотя иметь юное тело и взрослые мозги – это ли не мечта?

Хочу домой! Хочу обратно в свои 57 лет! Зачем я здесь? У меня там мама, муж, дети, работа! Мне что, детей заново рожать? И как я здесь одна? Просто «Назад в будущее» какое-то! Смешно, что я вспоминаю фильм, который еще не сняли. Интересно, у сумасшедших сохраняется чувство юмора? Считается, что его наличие – признак интеллекта. И ведь никому ничего не объяснить. Разве что Варя. Как ни странно, Варя единственная, кто может поверить в эту историю.

«Дышим глубже!» Как я обычно говорю? Найдется выход хоть один из всех безвыходных положений! И еще: «Спокойствие, только спокойствие!» Это помогает. Ура детской литературе и Карлсону. Нечего валяться, надо что-то делать, а голова пусть себе думает.

Скоро Варька приедет. Надо себя в порядок, комнату в порядок. Я конечно, опять красотка, но голова, очевидно, не мыта пару дней, ноги не бриты вовсе (кто их вообще здесь бреет?). Вот ужас-то: антиперспирантов нет, бальзамов для волос нет, прокладок и контрацептивов нет. Хотя зачем мне контрацептивы? В 16 еще рановато, времена строгие. А в 57, пожалуй, не актуально. Кстати, а какие сейчас времена? Какой год? Вот бы узнать! Вопрос конечно интересный, но звучит по-идиотски.

Если вспомнить все, что я читала и видела о перемещениях во времени, то в основе историй одна идея. В прошлом нужно что-то поправить. Главное – понять, что именно. И найти того, кто тебе поможет. Что нужно мне изменить, пока неясно. А где искать помощи? У подружек? Варька может поверить, ей даже будет интересно, приключения, как в кино. Наташке нельзя говорить, испугается. Она человек земной, без авантюрной жилки. Или у родных? Мама решит, что ребенок болен, и тоже не поверит.

Да, дела! Я старше их всех, даже собственной мамы, и знаю будущее. Уже горячо! В эту сторону и нужно думать. Что же я знаю о будущем? Что могу, вернее, что НУЖНО изменить? Вернусь ли я обратно? Почему-то не хочется начинать все с начала. Можно, конечно, попробовать прожить лучше, но это будет по-другому. Интересно, а Саня меня узнает? Вот найду я его, а он совсем еще пацан. И что я скажу: «Здрасьте, я ваша тетя! То есть, я твоя жена уже тысячу лет, у нас три дочери, кошка и черепаха! Сделай что-нибудь, я хочу домой!» Шарахнется и разговаривать не станет. Если только не рассказать что-нибудь о его детстве, о родне из Полоцка. Может, и поверит. Значит, надо попробовать – Саня и Варька.

Варька заглядывает в комнату. Какая же она маленькая! И дело не в росте. Она еще девочка, а мне надо решать с ней взрослые проблемы. Надо же, я думаю теперь, как ее мама!

– Гречечка, привет! У! У тебя шик-блеск, порядок! Ты чего это, генеральную уборку делала? Гостей ждешь?

– Да нет, я просто кровать убрала и подмела, да книжки сложила. Все, как обычно!

– Вот уж, совсем необычно! И сама ты какая-то другая!

– Если бы ты знала, насколько я другая! Да и ты не та, к которой я привыкла!

– Чего? Гречь, я не поняла?

– Ты есть хочешь? Я еще не завтракала.

– Ну, давай чаю с тобой попью. Ты мне расскажешь, что случилось-то?

– Ты раздевайся, а я чайник поставлю и расскажу, – я двинулась на кухню и, обернувшись, сказала удивленно: – А все-таки, какая же ты худенькая и симпатичная! Я и забыла!

– Наконец-то! Заметила, клячка, что у меня новая рифленка! Здорово, правда? Ужасно модно и стройнит!

«Рифленка» – знакомое слово! А! Это такая кофточка в резинку. Действительно, модная. Ее трудно было достать, и стоила недешево. Она еще называлась «лапша» в 70-е годы.

– Ну да, стройнит, – я хмыкнула и добавила с иронией: – Да! Это то, что нам надо! Главная проблема на сегодняшний день, точно!

– А чего смешного? Это тебе хорошо, а при моем росте фигуру нужно вытягивать, это я как художник говорю.

Мне стало совсем смешно.

– Варька! Про то, что нам нужно будет вытягивать и подтягивать, мы с тобой лет через 40 поговорим. Вот тогда это будет актуально, поверь мне.

– Тогда мы будем старые бабки на пенсии с кучей внуков, через столько-то лет!

– Ну, я бы не сказала! Вернее, я могу сказать, как оно будет, только не знаю, нужно ли тебе это знать!

– Гречь, кончай! Ты все какими-то загадками говоришь! Нет, ну кофточка-то классенькая, правда?

– Варь! Да ты вся классенькая сейчас, даже без этой кофточки.

Я стою спиной к окну, нежное весеннее солнце освещает комнату, сияет на плитке и медной дверце голландской печки. Ночной дождь уже кончился, и сквозь быстрые облака синее небо. Варька пьет чай с мамиными пирогами. Мне же кусок не лезет в горло. На календаре – март 1976 года.

– Я хочу рассказать тебе одну историю, – начала я, глубоко вздохнув, – немножко фантастическую.

– Это книжка, ты интересную книжку читаешь? Или это про кино?

– Нет, слушай. Вот представь себе, что ты... нет, пусть не ты, а твоя мама просыпается утром, и вдруг видит и понимает, что она перенеслась в свое детство или юность. Ей, ну как нам, около 16 лет. Но внутри она взрослая, со всем своим жизненным опытом, с памятью о прожитой жизни. Она попадает в другое время, о котором уже не все помнит, и в этом времени она на правах ребенка, у которого на самом деле очень мало прав.

– А дальше что?

– Тебе интересно? Но что будет дальше, я не знаю.

– Ты еще не прочитала?

– Пока нет. А ты веришь, что такое может быть? Ты бы так хотела?

– Ну... Вообще-то, в школе можно всех поразить, уроки знать. Или вообще знать, что дальше будет. Нет, ну, здорово, наверно! Особенно здорово, что была как бы старая, и вдруг опять молодая.

– Боишься быть старой?

– Да я и не думала. А ты что, можешь себя представить в сорок лет? Это будет аж в 2000 году! Ты представляешь себе 2000 год?

– Варь! Ты не поняла. Эта история не из книжки, не из кино. Это правда.

– Гречь, ну, какая правда? Про кого?

– Ладно, ты сказала, что я тебе показалась не такой? А какой?

– Ну взрослая, правильная... Говоришь как-то не так, как обычно, и взгляд какой-то... Ты не обижайся... Но бывает, что ты включаешь «училку».

– А почему? Как ты думаешь?

– Ну вот, даже тон, как у нашей Клары.

– Клара? А, помню, директриса, по литературе, на голове башня, важная, как памятник.

– Конечно, помнишь! Вчера же урок был!

– Вчера? Неужели? Варь, соображай быстрее! Я же тебе про себя рассказала.

– Про сон, что ли?

– Про жизнь. И в этой жизни мне нужна помощь. Ты же мне друг? Ты можешь поверить в невероятное? Ты не испугаешься?

Мы сидим с Варей за большим круглым столом, откинув скатерть, и собираемся писать список самых важных дел. Стол старинный, он, как и зеркало, достался мне от соседки Матильды Федоровны. Потом при переезде на новую квартиру его выбросят, а жаль. Сейчас, когда я могу снова увидеть и потрогать предметы своего детства, меня это волнует. Мы сидим друг против друга, одинаково поджав ногу под себя. Интересно, почему в своей взрослой жизни я так больше не сижу? Варька взглядывает на меня с интересом, она умирает от любопытства и верит мне не до конца. Кстати, я бы ей в такой ситуации не поверила совсем. Так что спасибо ей, что она такая, какая есть.

Список должен отразить все, что я знаю о будущем, и что понадобится в моей новой-старой жизни. Думаю, я перенеслась сюда не для того, чтобы менять историю. Скорее всего, мне нужно встретиться с кем-то, с кем я не успела поговорить в будущем, нужно уберечь кого-то от болезни или другого несчастья. Но все перемены, вероятно, касаются либо меня, либо моих близких. Так я думаю.

– Значит, будем отталкиваться от персоналий, – произношу я вслух.

– От чего отталкиваться? – удивленно спрашивает Варя. Она увлеченно рисует ручкой на листке лошадь. Очень красивую, синюю лошадь с развевающейся гривой.

– От личностей, персон, людей. От родных и друзей.

– Гречь! – воодушевляется она. – Давай начнем с друзей!

– Конечно, ты про себя хочешь узнать? Только сможешь ли ты что-нибудь поправить в своей жизни? Ведь для этого нужно не только желание, но и большие усилия!

– Ты что, меня не знаешь? Я если решила, то все! Я сделаю!

– Ладно, скажу. Ну, ты будешь поступать в «Муху» после школы.

– Это все знают.

– Но не поступишь и останешься работать на год в канцелярии училища, чтобы попробовать на следующий год. За этот год у тебя случится много всякой ерунды, которой лучше бы не случаться. Это касается твоих любовных приключений. Вот от них тебе уберечься не получится.

– Давай ты про любовные приключения подробно расскажешь. Мне что, нужно ни в кого не влюбляться?

– А ты разве сможешь? От такого приключения у тебя и первый ребенок родится, дочка, через два года.

– В 18? Уже?

– Не хочешь в 18 или не хочешь дочку?

– Ох, я не знаю... Ты сказала «первый ребенок», потом еще будут?

– Потом будет сын, но уже гораздо позже и от другого мужа.

– У меня что, и мужья будут разные? Ой, мамочки! Гречь, ты меня убила, я вообще плохо соображаю.

– У тебя еще есть время все обдумать, ведь в ближайшей год ничего особенного не случится. Главное, ничего не бойся!

– А про Наташку тоже знаешь?

– Знаю, конечно. А еще знаю, кто в классе кем станет, кто выйдет замуж, а кто нет. У кого вообще детей не будет. И даже кто рано умрет.

– Как это, умрет? Ужас какой! Если ты все придумываешь, это как-то не очень...

– Варь! Сейчас не это главное, я же сказала, в ближайший год ничего страшного не будет. И еще я думаю: мне срочно нужно познакомиться с моей бабушкой. Именно это в будущем я сделать не успела.

– Как это, познакомиться? Ведь я ее видела. Твоя бабушка в прошлом году приезжала в гости.

– Я о другой бабушке, Елизавете. Ей не надо приезжать. Я с ней долго жила на одной улице, на Маяковского, но при этом никогда не встречалась. Мне есть что ей сказать.

– Как это может быть? Это какая-то тайна, да?

– Тайна в том, что я про нее очень многое знаю, а она про меня не знает ничего. Вот и постараюсь, чтобы узнала.

Даже при моей привычке разложить все по полочкам не удается выстроить четкую программу того, что же мне делать. И совсем не получается избавиться от тревоги. Страшно встретиться с родителями, страшно идти в школу, даже просто выйти на улицу. Так бы и закрылась у себя в комнате. Потом ночь. А утром – бах! И я дома! Обратно в будущем. Я вдруг поняла, как важно чувствовать себя на своем месте. А где же мое настоящее место? Раньше я не задавала себе такого вопроса.

Жила себе тетка среднего возраста, преподавала литературу в библиотечном техникуме, варила щи-борщи своему семейству, смотрела вечерами телевизор. Все, как у всех. Ну, было безобидное увлечение – собирать сведения о своих предках. Не всем это занятие нравилось, но никому особенно не вредило. Почему же со мной произошло это невероятное перемещение?

То, что я узнавала о своей семье, понемногу изменяло мое представление о себе. А началось это еще в детстве. Поэтому, думаю, я вернулась в конец своего детства как в начальную точку.

Иван Павлович Ювачев

Мой папа не был со мной особенно близок. Он не был близок ни с кем. Я имею в виду семью. Но друзья-приятели по работе и увлечениям у него, конечно, были. Иногда, под настроение, Пэр мог со мной поболтать. «Пэр» – это такое домашнее имя, отец, по-французски. Когда в школе начался иностранный язык, французский, я как-то естественно стала называть папу «мон пэр». Ему нравилось. Может быть, вызывало ассоциацию с английским пэром. У нас в семье всегда были домашние имена. Не прозвища, нет, имена. Они возникали сами собой и казались естественными. Итак, Пэр под хорошее настроение, а оно у него редко бывало хорошим, мог рассказать о своем детстве. Так я узнала, что у Пэра был совершенно необычный дедушка. Первое, что меня поразило: дед папы Иван Павлович Ювачев был узником Петропавловской крепости, и его приговорили к смертной казни. Это казалось невероятным! Это было так похоже на фильмы или книжки про декабристов, про героев революции. А Пэр рассказывал, как он сидел на коленях у такого героя. Но если Иван Павлович его дед, то мне он прадед! Получается, что история, в настоящем смысле «история» имеет отношение и ко мне. Это было сильным ощущением. Я прочитала о прадеде то, что смогла найти. Сначала небольшую статью в Советской энциклопедии. Это тоже произвело впечатление. Не у всех есть родственники, о которых пишут в энциклопедии. Затем я прочитала об Иване Павловиче в воспоминаниях революционерки Веры Фигнер. И рассердилась на нее. Я начала любить своего далекого прадеда, и мне было обидно, что духовные искания Ивана Павловича для Фигнер явились признаками сумасшествия. До сих пор не могу забыть рассказ Пэра о смерти Ивана Павловича в 1940 году и его даре предвидения. Особенно о предсказании деда страшных испытаний, которые ждали наш город и семью. Удивительно, что Пэр, человек абсолютно не религиозный и прагматичный, в дар своего деда верил безусловно. Удивляет меня и то, с какой любовью Пэр говорил об Иване Павловиче. Наверное, дед был в числе немногих, кого мой папа любил.

О своем прадеде Ювачеве я коротко рассказала Варе, объяснив, зачем мне понадобилась моя бабушка, дочь Ивана Павловича.

– Варька! А хочешь приключений прямо сейчас? У нас каникулы, верно? Поехали на Литераторские мостки! Проведу тебе экскурсию.

– Куда? А это что, музей? И ты прямо экскурсию проведешь?

– Это старинное кладбище, но там совсем не страшно. Это действительно музей городской скульптуры. На Литераторских мостках похоронены известные русские писатели – Блок

и Тургенев, Гончаров и Радищев. А еще знаменитые артисты и ученые. Например, Менделеев. Я могу тебе о них рассказать.

– Не могу привыкнуть, что ты такая.

– Да могу не рассказывать. Мне нужно проверить, сохранилась ли в 1976 году могила моего прадеда. Мне это важно.

– А там что-то спрятано? Какие-нибудь сокровища? Почему важно?

– Нет, золота-бриллиантов там нет. Понимаешь, через 40 лет благодаря статье в газете найдут место захоронения И. П. Ювачева. А ведь, по словам моего дяди Игоря, бабушка Елизавета мест захоронения родителей после войны не смогла отыскать. Однако директор музея-некрополя Н. В. Тимофеев хорошо помнил могилу моего прадеда. Значит, в 70-е годы она существовала. Ну что, поехали искать могилы моих предков?

– А ты знаешь, как ехать? Это далеко?

– Нет, совсем нет. А впрочем, станцию метро «Волковская» еще не построили. Значит, едем до «Восстания», а оттуда на трамвае или автобусе. Меня больше волнует, что мне надеть, ну и деньги, конечно. Я не знаю, может, у меня они есть, но где лежат, не знаю?

– Да ладно, Гречь! На дорогу у меня есть, мы же в кино собирались. А про одежду не поняла.

– Понимаешь, как-то дико надевать на себя детские одежки, да еще по моде 70-х. А на ноги что? Я не помню, что я носила. Нет, мне нужно осмотреться.

– У тебя пальто красное с воротником таким большим черным, новое. Тебе же нравилось.

– Ой, правда! Помню! Я в нем на зимних каникулах в Орел ездила. Вроде даже ничего пальтишко, не очень убогое, – я с интересом рассматриваю пальто, что висит на вешалке в коридоре. – А сапожки надо почистить. Знать бы, чем.

– Да, Гречь! Это точно не ты!

– Ты про чистку обуви? О, ты еще не знаешь, какая я стану правильная!

– В старости, что ли?

– В моем времени я не кажусь себе старухой. Во всяком случае, внуков у нас с тобой пока нет. А тебя не удивляет, что мы продолжаем дружить в XXI веке? Что мы не разъехались, не потерялись, не разругались? И живем по-прежнему в Санкт-Петербурге?

– В Ленинграде.

– Нет, Ленинграда не будет. Много чего еще не будет.

– Когда ты по телефону сказала, что чувствуешь себя как-то не так, я подумала, ну простыла, наверное. А сейчас мне как-то не так... Я не знаю, что думать.

– А давай не будем думать. Лучше поедem, погуляем, и, может, что-нибудь найдем.

Улица Чайковского

А на улице весна! Давно прошедшая весна 1976 года. Как мало машин на улице! Какие смешные машины! Как плохо одеты люди! Я понимаю, что так мне видится с позиции 2017 года. Но от этого не становится легче. Нет ничего хорошего – оказаться не в своем времени. Ничего интересного, если ты здесь существуешь, а не просто смотришь на все со стороны, как будто фильм. Отчаянно хочется домой. Но, видимо, просто так не получится. Хорошо, если я правильно угадаю, что нужно сделать.

На Литераторских мостках сыро. И сто с лишним лет назад было так, не зря положили деревянные мостки. И через сорок с лишним лет будет так. Правда, дорожку к площадке народвольтцев засыплют гравием и утрамбуют, но вода все равно будет просачиваться. Весною пахнет от земли, талой воды, мокрых деревьев. Народу на кладбище мало. Я решительно поворачиваю налево от Храма Воскресения Словоущего. Креста на храме нет, и еще не скоро будет. Пока это просто помещение для администрации Музея городской скульптуры. Да и площадка народвольтцев выглядит совсем не так, как я помню. Нет одинаковых для всех мраморных белых плит на могилах. У каждого свое надгробие. У кого-то богатое и внушительное, у кого-

то обычная серая раковина с табличкой, какие ставили в 30-е годы XX века. Среди таких раковин нам и нужно искать надгробие Ивана Павловича. Именно такой я запомнила могилу, что находилась рядом, могилу Гершуни. Не того известного террориста Гершуни, а его брата. Эта могила должна стать для меня маячком. Я уверенно иду к знакомому месту, хотя все вокруг выглядит непривычно. Деревья ниже, кусты гуще, и все как-то заброшено, а могил заметно больше. Вероятно, реконструкция Литераторских мостков в будущем в первую очередь пойдет по пути ликвидации «ненужных» могил. Вот таким «ненужным» станет и захоронение моего прадеда. Мы находим могилу Ивана Павловича почти на том месте, где и будет установлен гранитный крест в 2012 году.

Странное чувство я испытываю, глядя на то, что могла бы никогда не увидеть. Передо мной могила человека, о жизни которого я знаю теперь намного больше, чем даже его дочь и внук.

Как долго и терпеливо ждали предки, чтобы стать частью моей судьбы.

Могила Ивана Павловича Ювачева

Возвращаемся с кладбища молча. Кажется, я все-таки напугала Варю. А ведь всего-то приоткрыла ближайшее будущее. Поправимое будущее, ничего фатального. Наверно, я кажусь ей незнакомым человеком, чужим в привычном облике. Можно испугаться. Да что там, можно решить, что кто-то спятил. Интересно, кто из нас? И мне тоже страшно. Страшнее всего, когда не понимаешь.

Но надо, надо налаживать контакт. Ведь что-то от меня прежней осталось?

– Варь, а расскажи мне про школу, про нас, я же много забыла. Ну, считай, что я упала, головой стукнулась, ничего не помню.

– Это как сотрясение мозга у Гнутика?

– Точно! Я помню, как у Сережки было сотрясение мозга, правда, он ничего не забыл.

А я как будто тут помню, а тут не помню.

– Это как в «Джентльменах удачи», – Варька, наконец, заулыбалась.

– Да, этот фильм – просто собрание крылатых фраз. Сами собой выскакивают по случаю.

И через сорок лет он будет одним из любимых фильмов.

– Знаешь, Гречь, я боюсь, когда ты говоришь про то, что будет через сорок лет. Сказала про меня, а я все время думаю. Не нравится мне такое будущее, я по-другому хотела бы.

– Так оно еще не случилось. Давай попробуем изменить.

– Ты что, и свое хочешь изменить?

– Ну, что я могу? Могу учиться отлично. Правда, правда, могу! Главное, не брякнуть что-нибудь такое, что не понравится учителям. Я ведь уже привыкла иметь свое мнение, и знаний у меня не меньше, чем у некоторых учителей.

– Ну да, по всем предметам? – не верит Варя.

– Вообще-то школьная программа рассчитана на обычных детей. Со средними способностями. Это я всегда внушаю и своим дочкам, и своим студентам. Если что-то не получается – это либо лень, либо неумение учиться. И с тем, и с другим можно бороться.

– Каким еще дочкам, каким студентам?

– Давай ты мне расскажешь про меня сегодняшнюю, а я тебе о том, какой я стану.

– Так что рассказывать?

– Что мы сейчас проходим по предметам? Какие у меня отношения с учителями? Какие в классе? Ну, про мальчишек отдельно.

– А может, про мальчишек сначала? – Варька хитро на меня посмотрела. – Игорь смотрит на тебя на всех переменах. Ну, это обычное дело, да?

– Слушай, точно! Я его на школьном вечере в Новый год спросила: правда ли я так ему нравлюсь? А он краснел и мычал, – вспомнила я давно забытое.

– Да, ты рассказывала, как с ним танцевала. И с Вовкой тоже, – поддержала Варя.

– Так-так-так! Вот здесь непременно нужно все исправить. Никаких романов ни с тем, ни с другим. И за Игоря я замуж не пойду ни за что!

– Ты что, за него замуж выйдешь? – Варька даже задохнулась.

– Выйду. И это не есть хорошо.

– Ничего себе! Но зачем? Расскажешь?

– Этот сюжет тянет на бразильский сериал.

– Почему на бразильский?

– Жанр такой. Пока этих фильмов в России нет. Что-то вроде индийского кино. Злодеи, красавицы, измены, любовь, чужие дети и разводы. Короче, страсти в клочья. Вот и у меня такая история случилась.

– Странно ты говоришь. Почему в России? В Союзе!

– Ну, пусть в Союзе. Не стану я ничего тебе про политику рассказывать. Страна будет, мы будем. Это главное.

Едем домой на трамвае. Варька полна впечатлений и говорит без остановки. Я больше молчу. У меня свои впечатления, которые трудно переварить. Как трудно быть молодой! Никто не воспринимает серьезно мои слова и поступки, не верит в мои знания. Я даже не могу работать в архивах, не пустят. Не могу писать статьи, не напечатают. Не могу сама поехать в другой город, у меня нет документов об образовании, нет профессии, нет денег. А что есть? Есть свежая мордашка и здоровье. Относительно того, что будет через сорок лет, пока еще все на пять с плюсом. Кстати, о здоровье. По-моему, у меня выпала пломба в зубе. Чувствую дырку языком. Надо скорее к стоматологу. Не знаю, можно ли за деньги вылечить зуб с анестезией? Или нельзя? Попробую зайти в поликлинику, уточнить.

Я смотрю на Варю, кивая в такт ее словам.

«Варя решит, что я сошла с ума, – думаю я. – Сама хочу к зубному врачу! Сама!. Скажет: „Греча совсем ку-ку!“ Так в 70-е годы никто не делает, только по необходимости, в случае острой боли. И еще очки у меня здесь дурацкие! Просто кошмар! Одну модель предлагают и для 15-ти лет и для 70-ти. Или высокомерно щурься без очков, или выгляди, как старушка из богадельни. Вообще, в некотором отношении мне трудно приспособиться к здешней жизни: еде, запахам, удобствам. Конечно, это не средневековье, но очень многого мне не хватает».

Так, думая про свое, под тихий говорок Вари я засыпаю, видно, надышавшись свежего весеннего воздуха.

А прихожу в себя резко, неожиданно, когда в уши врываются слова:

– Нет, ну ты понима-аешь? Я, типа, гова-арю... А он: «Нафига тебе эти туфли?» Прикинь? – насморочным голосом, растягивая гласные, говорит Варя.

Что это с ней? Не может она так говорить. Я трясую головой, стараюсь прийти в себя. Трамвай стоит, Варьки рядом нет. Я оборачиваюсь. За моей спиной разговаривают две пухлые девицы с одинаковыми тупыми лицами и вытатуированными бровями. Одна из них скандальным голосом обращается к кондуктору:

– Не, ну норма-ально? Мы скоко будем тут стоять? Женщина! Скажите водителю, пусть двери-то откроет. Чего мы тут паримся? Слышь, Алиска, а давай в Галерею прошвырнемся, раз такое попадалово! Мы ж рядом совсем, – и та, что потолще, кивает в окно.

Я поворачиваю голову и вижу в окне трамвая Галерею – монументальное торговое здание у Московского вокзала, построенное с намеками на неоклассику. НО построенное в начале 2000-х!

– А что случилось? – сильным голосом спрашиваю я кондуктора. В горле у меня першит то ли со сна, то ли от волнения.

– Да вот, с автобус впереди встал, и мы стоим. Вся Лиговка стоит. Здесь часто такое. Если опаздываете, метро рядом. Не надо ругаться. Сейчас водитель дверь откроет, – отвечает мне восточная женщина в меховой жилетке поверх куртки и в розовой шапочке со стразами.

Женщина-кондуктор абсолютно реальна, как и привычная картинка за окном. Что же со мной? Ведь я почти по минутам помню все, что со мной случилось: я проснулась в 1976 году, шел дождь, потом позвали к телефону, дальше Варя пришла, мы поговорили и на Литераторские поехали. Все очень логично. Ситуация фантастическая, правда, но внутри этой фантазии ничего странного. Я ведь приняла эту ситуацию и даже начала в ней жить. Почему все вернулось обратно? Если без мистики, то, может, это очень правдоподобный сон? Игры подсознания, так сказать? Может, мне захотелось обратно в детство, вот детство и приснилось? А я решила – ЧУДО! А вот и нет. Только сон про чудо, не более. Но как складно все приснилось. Я, пожалуй, испытываю сожаление, что сон прервался. В нем могло случиться еще очень много интересного.

Меня просто накрывает нестерпимое желание увидеть свой старый дом. Выскакиваю из трамвая, чуть не подвернув ногу. «Какая я вся внезапная», – иронизирую про себя.

– Полегче, дамочка! Не девочка уже так прыгать-то? Моя знакомая тоже все бегала, а упала и шейку бедра сломала. Аккуратнее надо. Это я вам как мать и как женщина говорю, – кричит мне вслед пожилая тетка из тех, что всех учат жизни. Я отмахиваюсь, тоже мне, нашли старушку, и тороплюсь к метро.

Улица Чайковского, дом 24

На улице Чайковского, подходя к своему дому, притормаживаю. Зачем я бегу? Что хочу увидеть? А что, если я не попаду во двор? Сейчас все дворы закрывают на кодовые замки. И правда, ворота закрыты. Тихонько толкаю решетку, она тихо открывается. Неужели повезло? Захожу во двор и вижу проблеск света в створке запертых на замок гаражных ворот. Но нет, показалось. Задираю голову вверх и смотрю на небо. Здесь небо особенное, небо моего детства. вспоминаю я строчки стихов, так совпадающие с моим настроением.

В нашем доме в бывших каретных сараях устроены гаражи. Большие, теплые, с горячей водой. Обычное место обитания Пэра. Свообразный мужской клуб. Ах, если бы судьба дала мне шанс еще раз увидеть папу! Молодого, здорового, живого. Сколько ему тогда, в 1976-м? Всего 45! Даже смешно, мне этот возраст казался солидным. Я прислоняюсь к старым деревянным воротам, стараясь вызвать в памяти знакомые голоса. Кажется, я даже слышу, как папа и его друг Маржецкий что-то горячо обсуждают. Политику, как обычно. В горле комок. Понижаю, что их нет. В моем времени уже нет. В глазах неожиданно темнеет, я хватаюсь за стенку. Что же это со мной? Пытаюсь стряхнуть дурноту и куда-нибудь присесть. Нет, я, очевидно, нездорова, иначе как объяснить то, что со мной происходит?

Даниил Хармс (Ювачев)

– Сударыня! Вам нехорошо? – как сквозь вату, слышу мужской голос. – Не стоит сидеть на холодной лестнице, здесь «пол совсем не чист», как это написано у Гоголя. Позвольте, я помогу вам.

Чья-то сильная рука берет меня под локоть, помогая подняться со ступеней лестницы, на которой я оказалась. Смотрю себе под ноги. На ногах у меня мои любимые коричневые ботинки из нубука. Всепогодные, удобные, вне времени и моды. Перевожу глаза на локоть. Ну да, я в шубе, черной каракулевой, которую купила недавно. Что же, я заснула на улице? Стыд какой!

– Спасибо вам, сама не знаю, что со мной было, – искренне говорю я, отряхивая подол. – Обычно я не сижу на холодных лестницах. Видно, голова закружилась. Спасибо за помощь.

– Не стоит благодарности, барышня, – слышу в ответ, и что-то меня в этих словах насто- раживает. Пытаюсь разглядеть мужчину, что помог мне встать, и в глазах моих снова темнеет. «Даня! Не может быть! Это же Даня. Живой, настоящий! От него даже табаком пахнет».

У меня опять подгибаются колени. Я опять нырнула в свой сон, в стоячую воду времени.

Я еще не сказала, что у моего папы был не только необычный дед, о котором я говорила Варе, но и совершенно невероятный дядюшка. Дядюшка по имени Даниил, который придумал себе особенную фамилию – Хармс.

И в духе этой фамилии дядюшка сделался особенным писателем, писателем абсурда. В детстве папе Хармс ужасно нравился. Он привлекал странной внешностью – одевался под иностранца, удивлял особой трубкой для курения, в которую был вделан милицейский свисток, и странными, непонятными занятиями спиритизмом. А еще дядюшка запомнился своей необычной комнатой, опутанной проводами с разноцветными лампочками, и, конечно, смешными стихами для детей. Детские впечатления остались с Пэром навсегда, и в чем-то он Хармсу подражал. О знаменитых чудачествах дядюшки папа любил рассказывать, но о его трагической смерти не говорил никогда. Про гибель Дани в блокадном Ленинграде я прочла сама позже. И вот теперь, если это не болезненный бред, я вижу перед собой Даниила! Живого Даниила Хармса, по которому в XXI веке будут сходить с ума его фанаты, по произведениям которого будут ставить спектакли, чьи именем назовут улицу в Петербурге.

– Да что с вами такое? Неужели я вас напугал? Обопритесь на меня, прошу вас, и не нужно бояться. Обычно я не вызываю у дам такого ужаса. Правда, на даму вы не похожи, скорее на барышню. Итак, милая барышня, куда мне вас проводить? Вы не из этого дома, полагаю? Кто же вам нужен? – мой знакомый незнакомец вежлив, настойчив и тверд.

– Я думаю, думаю, мне нужны вы... – с трудом выговариваю я.

– Я? Однако! Мы разве знакомы? – Даня, Даниил Иванович, смотрит на меня сверху вниз, хотя я стою на пару ступенек выше. Смотрит очень серьезно. Ну вот, я мечтала о встрече через столетия? Получите, что называется. Как же мне себя вести? И в каком я времени? В моем или его?

Такое ощущение, что кто-то, веселясь, перетряхивает калейдоскоп моей жизни, и разноцветные стеклышки лет складываются в причудливые узоры странно, соединяясь произвольно, без всякой логики. Или я этой логики не понимаю. Ладно, додумаю потом. Даня ждет, нужно что-то ответить.

– Да, мне нужны именно вы, Даниил Иванович Хармс! – решительно заявляю я, хотя вовсе не уверена в сказанном. – И да! Я, конечно, с вами знакома!

– Однако! – еще раз громко произносит Даня красивым, хорошо поставленным голосом. В глазах его серых, глубоких, мелькают чертики интереса. – Вы меня интригуете, милая барышня, но я, пожалуй, польщен. Что же мы с вами будем делать?

– Думаю, – я слегка замялась, – нам нужно поговорить.

– То есть, вы желаете со мной побеседовать? Вероятно, о чем-то важном? – в голосе Дани чувствовалась еле заметная ирония.

– Желаю! Это действительно важно. И ничего смешного тут нет.

– Помилуйте, я и не думал смеяться. Конечно, всегда к вашим услугам. Однако вы меня знаете, а мне ваше имя, к глубокому сожалению, не знакомо. Вот незадача! Простите великодушно, возможно, я просто запамятовал? Годы, знаете ли, берут свое, просто беда!

– Ну да, годы! – я фыркнула, и все-таки как же мне себя назвать? Лучше не врать. – Меня зовут Марина. Марина Кирилловна. А большего вам пока знать не надо.

– Ну что вы, на большее я ПОКА и не претендую, – с непробиваемой вежливостью произнес Даня. – Прелестное имя, Марина. Да и отчество ваше мне симпатично.

– Еще бы! Вашу жену зовут Марина! А племянника – Кирилл!

«И еще он мой папа!» – чуть не брякнула я, но вовремя замолчала.

– Однако!!! – вновь протянул Даниил Иванович и посмотрел на меня еще серьезнее и внимательнее. – Похоже, у нас и правда будет интересный разговор. А вас не смутит предложение побеседовать у меня дома? К тому же, как я понял, вы и шли именно ко мне, верно?

– А что, разве это улица Маяковского, дом 11? – спрашиваю я, теряя остатки храбрости.

– Надеждинская, для меня эта улица по-прежнему Надеждинская.

– Как Петербург и Царское село. Я помню. И маму вашу звали Надежда, это я тоже помню. Ой, сейчас вы опять скажете – однако!

– Не бойтесь, не скажу, – доверительно сказал Даня, наклонившись, прямо мне в ухо. – Но, какая вы прелюбопытная барышня, Марина Кирилловна! Весьма прелюбопытная... Идемте же, прошу вас, – и Даниил Иванович протянул мне руку.

В передней квартиры, о которой я столько слышала, темно. Даня включает тусклую лампочку и помогает мне раздеться у зеркала. В нем я вижу себя – действительно барышней лет 17-ти. Как все перепуталось: время и мое ощущение себя.

– Как интересно вы одеты, Марина Кирилловна. Шубка совсем новая, не из бабушкина сундука. И шаль оригинальная! Расцветка – просто в духе времени, авангард! Казимир был бы в восторге! – поглаживая мой шарф, сказал Даня.

– Казимир – это Малевич? Надо же, никогда не думала, что одета в духе супрематизма, – удивленно ответила я.

– Вы знаете Малевича? Но откуда? И позвольте, сколько же вам лет? – воскликнул мой двоюродный дед Даниил тридцати с небольшим лет.

– Разве у дам спрашивают о возрасте? – загадочно улыбаясь, задала я встречный вопрос.

«Ох, знал бы мой молодой дедушка, сколько лет его внучке на самом деле, – и тут же одергиваю себя. – Еще кокетничать с ним не хватало!»

Вглубь квартиры ведет длинный и широкий коридор. Видны темные шкафы с книгами вдоль стены, слышны женские голоса на кухне и чьи-то быстрые шаги.

– А вот и моя сестра Лиза, – Даня кивает в сторону темноволосой девушки, что показалась в передней. Она с холодным интересом разглядывает меня.

– Здравствуйте, очень приятно!

«Ну, вот мы и встретились, бабушка!» – думаю я.

– Лиза, это Марина Кирилловна, ко мне, – говорит Даня.

Бабушка Лиза слегка наклоняет голову и без улыбки, молча уходит прочь.

– Не обижайтесь, прошу вас. У Лизы непростой характер.

– Как и у всех в нашей семье! – подтверждаю я.

– Как? – переспрашивает Даня.

– В вашей семье. Я просто оговорилась.

Данина комната, куда меня приглашают, могла бы удивить неподготовленного человека, но не меня. Я лишь усмехаюсь, замечая знаменитый бумажный абажур над столом с рисунками Дани. Он же внимательно наблюдает за моей реакцией и, похоже, не понимает ее. «Так ему и надо! – злорадствую я. – Будет знать, как ставить в тупик других людей своим поведением».

– Прошу вас, садитесь, – с легкой обидой в голосе произносит Даниил Иванович.

Я усаживаюсь за стол, нервно соображая, что я могу сказать ему.

– Итак? – Даня вопросительно поднимает брови.

– А Иван Павлович дома? – выпаливаю я.

– Вы знаете моего отца? Еще любопытнее! Может, вы и шли к нему?

– Я, конечно, очень, очень хочу видеть Ивана Павловича, но тому, о чем я хочу рассказать, поверить можете только вы.

– А вам зачем-то это нужно?

– Вы верите в возможность чуда? В то, что подчас объяснить невозможно.

– Ну, допустим! Знаете, мне что-то ужасно курить захотелось. Вы не против?

– Трубку, конечно! У вас же их много, разных. Курите, куда деваться!

– Вы так много обо мне знаете, это даже подозрительно.

– А я сейчас расскажу. Вообразите, что вы можете оказаться в прошлом, перенестись в другое время. Заманчиво, правда? – интригующие начала я.

– Недурно, согласен. Но что же дальше? – ответил Даня.

– А где бы вы хотели оказаться? – продолжала я.

– Не понимаю, к чему вы ведете? – пожал плечами Даниил.

– Ну подумайте, у вас была бы возможность помешать дуэли Пушкина, или уберечь от покушения государя Александра II, или даже спасти Христа? Как вам? – продолжила я. – Лично меня подобная перспектива всегда воодушевляла.

– Серьезно? Вы мечтали спасти Спасителя? Оригинально! Нет, подобных планов, признаюсь, я никогда не строил. Да и зачем? Что случилось, то случилось. А то, что должно случиться, произойдет непременно. Или вы намерены меня убедить в обратном? – делает вывод Даня.

– Ну, наконец-то! Я хочу рассказать о том, что МОЖЕТ случиться в будущем. Я хочу спасти вас.

– Но я же не Государь и не Иисус? Зачем вам это?

– Ну, почему вы мне не верите? Мне даже хочется вас стукнуть. Я знаю, как звали ваших бабушек и дедушек, и прапрадедушек тоже! Знаю о вашем детстве, о дядях и тетях, о вашем отце и много другое, чего я не должна знать! Вы можете это объяснить? – нервничая, я стала драть пальцы. Еще одна дурная привычка из детства. Заметив взгляд Дани, быстро спрятала руки под стол.

– Не стоит так горячиться. И вот что, давайте выпьем чаю. Виноват, что не предложил раньше, – убирая со стола бумаги и грязные стаканы, невозмутимо проговорил Даниил.

Я поняла, что ничего у меня не получается. Как мне заставить кого-то поверить в совершенно невероятную историю, если даже такой невероятный человек, как Хармс, относится к моим словам скептически.

– Вот, извольте, я принес чай! Угощайтесь, прошу! Баранки, правда, совершенно каменные, можно сломать зубы. Не иначе, как из каменного века! Чем вам не машина времени в действии? – с галантным поклоном предлагает Даниил Иванович.

– Шутите! Знаете, одна моя... ну не важно, в таких случаях говорит: «Шутка – само-смейка, сам пошутил, сам посмеялся», – не сдержалась я.

Даня чутко уловил смену моего настроения.

– Да вы сердитесь! Знаете, в вашей манере говорить со мной определенно есть что-то странное. То вы кажетесь мне совсем девочкой, то вдруг строгой тетушкой, что воспитывает меня, – задумчиво проговорил Даня.

– Счастлива, если напомнила вам Наталью Ивановну. Вот с ней мне очень нравится быть в родстве, как и с Иваном Павловичем.

– Любезная родственница, но я вас совсем не знаю! А лицо, ваше лицо, хоть и милое, с моим, согласитесь, мало схоже, – заметил Даня. – Признайтесь откровенно, вы придумали способ меня разыграть! Поверьте, я это оценил, сам люблю фокусы и мистификации.

– Между прочим, ваша прапра... бог знает какая прабабка была из крещенных татарских мурз, Чуфарова. Так что с моим-то лицом все понятно. А вот Варвара Сергеевна, бабушка, имела польскую кровь Разнатовских. Вы, я думаю, в нее пошли, – выдала я информацию, не думая о последствиях.

– Так кем же вы мне приходитесь? Какой-нибудь десятиюродной кузиной? – недоверчиво поинтересовался Даниил.

– А дайте вашу руку. Смотрите, вот моя рука, а вот указательный палец, ваш и мой, сравните! Вам не кажется, что они удивительно похожи? Я убеждена, что и у Лизы, вашей сестры, форма пальцев такая же. И у маленького Киры, я точно знаю, – волновалась я.

– Ну, положим... – протянул Даня.

– Хотите еще? Ладно! Вот на столе сахарница – серебряная, красивая, только жаль, крышка сильно погнулась. Она из имения, из Дворянской Терешки, ее ваша бабка Варвара

Сергеевна дала дочери Наталье Ивановне, а та подарила Лизе на свадьбу. Но она не умела беречь, и Пэр, то есть Кирилл, испортил хорошую вещь. Да и сахарница была не одна, а целый сервиз фамильного серебра. Лиза эту посуду хотела сдать в Торгсин. Может и сдала, не знаю. Нашла на чем наживаться! – с осуждением сказала я.

– Вы не можете так говорить! Хотя о чем я? Лиза, да, вы правы, иногда поступает, как бы это сказать... не совсем хорошо. Но это бывает со всеми. Не стоит строго судить. Вы совсем не знаете Лизы, – примирительно произнес Даня.

– Лично не знаю, верно. Но помните у Киплингa: «Мы с тобой одной крови»? Поэтому сужу. К тому же с Лизой ничего плохого не случится. Она умеет выживать при любых обстоятельствах. А вы нет...

Даня молча смотрит на меня. У него быстро трясется нога, закинутая одна на другую. Молчу и я. Чай кажется безвкусным. Вдруг, я замечаю, КАК Даня пьет чай. Пьет, прижимая ложечку к краю чашки, не вынимая ее, как Пэр. Не по этикету, но такие знакомые жесты.

– Самый вкусный чай, я заметил, должен быть температурой 65—68 градусов по Цельсию, – глубокомысленно изрекает Даня, подняв палец к носу.

«Ну да! Еще градусник в чай засунь!» – фыркаю я про себя.

И тут в дверь стучат.

– Да! Войдите! – Даня вздрагивает. – Простите, я сейчас, – говорит он, шагает к двери и выходит в коридор.

Я получаю отсрочку. В голове никаких мыслей, разговор выходит не таким, как я рассчитывала. Наконец я могу оглядеться. В комнате не убрано. Это не случайный, временный беспорядок, а неустроенность как образ жизни. Есть люди, по натуре своей «пустодомы». Даня такой. Я не сторонница стерильности в быту, но убеждена, что порядок в повседневной жизни весьма способствует душевной гармонии. У Дани в комнате такой гармонией не пахнет. Сразу хочется протереть пыльные окна, сдернуть несвежие тряпки, что криво висят, притворяясь занавесками. О них, видно, не раз вытирали руки. Стены комнаты, местами оклеенные розовой бумагой, разрисованы совершенно неприличными картинками. А рядом, совсем не к месту, висит портрет усатого полковника пушкинских времен. Я приглядываюсь. Да это же, наш родственник – Василий Колюбакин, герой войны 1812 года. Интересно, зачем он тут, у Дани? Возле печки, которую вдруг начали красить в розовый цвет, да бросили, валяются рваные сапоги. На полу у стола рассыпан табак. Везде следы запустения и безразличия к домашней жизни. Я подхожу тихонько к двери и прислушиваюсь. За ней негромко переговариваются.

Вдруг дверь отворяется, и я, отскочив и краснея, оказываюсь лицом к лицу с Иваном Павловичем и Даней.

– Папа, я хотел тебе представить Марину Кирилловну. Она мечтала с тобой познакомиться, – несколько театрально объявляет Даня. Его прежняя невозмутимость куда-то исчезает. Я же просто немею. И есть от чего. На меня из-под кустистых бровей Ивана Павловича, вдруг пытливо взглядывают глаза, карие, круглые – точно, как у Пэра.

– Здравствуйте! Я так много о вас слышала. Слышала о вашей удивительной жизни, о ваших книгах. И рада, очень рада вас видеть.

Достоинно восхищения, что я могу лихо сложить и протараторить эти вежливые фразы. Вроде бы формальные, но абсолютно правдивые!

– Марина Кирилловна назвалась нашей родственницей, но я так и не понял, с какой стороны, – добавляет Даниил.

– Очень приятно, Марина Кирилловна, и очень интересно, – внимательно приглядываясь ко мне, говорит прадедушка. – Но к чему же стоять у дверей? Давайте пройдем в комнаты и познакомимся.

В этот момент раздается настойчивый звонок у входной двери, и Даня торопливо идет, чтобы открыть. Пришла «вшивая» комиссия от домоуправления для обследования квартиры

на предмет заражения. В городе участились случаи заболевания тифом. Со страхом ежусь я от такого известия. Даня предлагает мне подождать в его комнате, извинившись. Комиссия требует участия в санитарной проверке ответственного квартиросъемщика Ивана Павловича Ювачева, а также присутствия взрослых «насельников» квартиры, как она выражается.

В комнате у Дани, глядя на недопитый чай в стаканах, я решаю, что же мне дальше делать. Скатерть на столе лежит неровно, сбившись на бок, под ней бумага. Я оглядываюсь в поисках карандаша или ручки. Нахожу на подоконнике несколько толстых цветных карандашей, синий мне кажется не такой тупой, как прочие. Решаю написать Дане послание, предупреждение из будущего. Если можно его вообще спасти, оно спасет. Но нужно написать самое-самое главное. Торопясь и сильно нажимая на карандаш, пишу:

«Даня! Нужно беречь отца. В мае 1940 года Иван Павлович при бритье порежется, не знаю, родинку или просто кожу лица. Не знаю, как, но надо сделать все, чтобы этого не случилось. Уговори отца протирать лицо спиртом, водкой, одеколоном, спиртовой настойкой. Пусть вовсе не бреется, наконец! Иначе – заражение. От него не спастись. Лекарство от сепсиса появится только после войны.

Теперь о войне. Она будет страшная, ее потом назовут Великая Отечественная. Я знаю, что ты боишься войны, а после смерти Ивана Павловича совсем потеряешь способность сопротивляться, бороться с трудностями. Война с Германией начнется 22 июня 1941 года. Ленинград окажется уже в сентябре в блокаде. Эту блокаду тебе, Даня, не пережить. Нужно не пугаться и паниковать, а сделать все, чтобы спастись. Нужно успеть уехать до лета 1941 года. Даня! Я прошу, умоляю, требую, потому что имею на это право – уехать тебе и твоим родным. Ты мужчина, ты должен быть сильным, и главное – ты МОЖЕШЬ спасти своих близких. Нельзя надеяться только на чудо. Хотя чудо тебе уже дано».

Почему-то у меня возникает ощущение близкой опасности. Нужно торопиться. Много еще хотелось бы сказать, а еще больше спросить у своих родных. Однако тревога во мне нарастает. Громкие голоса членов комиссии слышны все ближе, их перекрывает густой бас Даниила, который их в чем-то убеждает. «А вдруг у меня спросят документы? – пугаюсь я. – Все-таки, 1936 год!» Я, торопясь, роюсь в своей сумке. Надо же, и сумка у меня из 2017 года. Чудеса! Только что в ней проку? Расческа, ключ от квартиры, от учительской, мобильник (очень он здесь нужен!), кошелек с банковской карточкой и деньгами страны, которой еще нет. А что, если оставить рядом с письмом несколько монет? Даня не может не обратить внимания, не может не задуматься, не может не поверить. И я высыпаю монеты из кошелька прямо на свое письмо.

Я выскальзываю из комнаты Даниила, в темной передней лампочка в розовом плафоне-тюльпане не горит. Пытаюсь одеться в темноте и втыкаюсь прямо в грудь Дани. Он стоит рядом.

– Уже уходите? – почему-то шепчет он. – А я вас по духам почувствовал. Удивительно приятные у вас духи. Необычные. Это, верно, «Коти»?

– Это «Хлоя». Вы таких не знаете, – наверное, шарф, тот, что в духе Малевича, пахнет духами. Я привыкла и не чувствую. – А почему вы шепчете? – тихо спросила я.

– А почему вы уходите, как будто убегаете? Из-за этой дурацкой комиссии, или вас напугал мой отец? Странно, мне жаль вас отпускать.

У Дани завораживающий голос. Для меня так важен красивый голос у мужчины.

– Мне нужно идти. Действительно нужно.

Я все больше нервничаю.

– И даже не попрощаетесь, родственница? – с укором произносит Даня.

– Я написала, там, в комнате, на столе. Ты должен понять. Я прошу, прочти, это очень важно. А прощаться? Да, нам нужно именно попрощаться. Можно я тебя поцелую? – решительно говорю я.

Даня, опешив от внезапного «ты», послушно наклоняется ко мне. Я же, привстав на цыпочки, целую его в лоб.

– Как мама! – растерянно произносит Даниил.

– Да, да! Как мама. И Киру маленького поцелуй от меня! – выдохнула я и в ту же минуту была уже на лестнице.

Маленький Кира

А еще через минуту – на улице. Кажется, я избежала большой опасности, потому что сразу успокаиваюсь. Значит, сделала все, как надо? Надеюсь, что так. На улице подмораживает. Хорошо, что я тепло одета и не голодна. Но куда же теперь идти? Конечно, я могу пересидеть в церкви, там документы не спрашивают, не холодно, да и людей много, можно спрятаться. Лучше идти в Преображенский собор, он рядом, и его в «пятилетку безбожников» не закрыли.

Как изменился город... Воздух другой. Машинной вони нет, это правда, но дымят печные трубы, сильно пахнет канализацией из подвалов и, что странно, лошаадьми. Вернее, продуктами жизнедеятельности лошадей, то есть навозом. И звуки города совсем другие, непривычные. Резкий, какой-то квакающий гудок автомобиля на Невском проспекте, дребезжание трамваев на Литейном проспекте, грохот телег с дровами и назойливый стук жестяных вывесок на ветру на Надеждинской улице. Дома выглядят облупившимися, во дворах видны целые стены из дров. Каких-то домов нет на привычном месте. Вместо них другие, с подвальными лавками, откуда несет гнилой картошкой и кислой капустой. Как странно одеты люди! Я удивлялась моде 70-х годов, но здесь о моде говорить не приходится. Бедность ужасная. Боюсь, что я в своей шубе выгляжу очень подозрительно, как иностранная шпионка. На меня оглядываются и смотрят неодобрительно. Я стараюсь ни с кем не встречаться глазами, не привлекать внимания. Опустив голову, прячу лицо в шарф и почти бегу в сторону Кировной улицы.

Преображенский собор

В соборе немного теплее, чем на улице, но только немного. Идет служба. Денег на свечи у меня нет. Я пробираюсь к боковому приделу. Там скамьи, и меня не заметят. Запахи свечей, ладана и мокрой овчины от одежды прихожан. Привалившись к стене, слушаю монотонный голос священника и потихоньку впадаю в транс. Ничего не хочется, ни думать, ни двигаться.

– Что это вы, милая, заснули в храме, что ли? Нехорошо. И не молитесь. Я смотрю, даже свечку не взяли, – рядом со мной раздается укоризненный голос.

– А у меня денег нет, – виновато отвечаю я старушке, явно «из бывших».

– Держите, Господь велел делиться, – она вкладывает мне в руку свечу. – Поставьте, куда душа попросит.

Я ищу глазами образ Богородицы. Служба закончилась, и в храме становится свободнее. Вот и икона «Всех скорбящих радости», к которой я решаю поставить свою свечу. Долго-долго смотрю в глаза Божьей Матери и прошу ее помощи. Кажется, еще чуть-чуть, и я получу ответ на свой вопрос, зачем я здесь. Вокруг темнеет, голоса людей становятся все глуше. Я смотрю в глаза Богородицы и не могу оторваться. Вдруг что-то горячо обжигает мои пальцы, я вздрагиваю и прихожу в себя.

– Мара! Ты чего тут стоишь? – в приоткрытых воротах гаража Пэр с привычной сигаретой в руках.

С крыши срывается большая капля воды прямо мне за шиворот. Я опять вздрагиваю. Рука, которой я сжимаю дужку гаражного замка, совсем мокрая. С недоумением смотрю на свои пальцы, которые только что держали свечу. Вот и след от горячего воска. Значит, все это было: Даня, Иван Павлович, Преображенский собор и я со свечкой в 1936 году. Только вокруг опять декорации 1976 года.

– Я... – вспоминаю. – Я, кажется, ключи от дома забыла, – говорю я.

– Ну, позвони или постучи, как обычно, в дверь. Там народу на кухне полно, откроют. Я пришел с работы, а жрать нечего. Дома две бабы, а в холодильнике даже масла нет. Ты вот на каникулах, могла бы и сделать что-нибудь, эгоистка! – стал наливаясь злостью Пэр.

– Хорошо. Я сейчас что-нибудь быстренько приготовлю. Поднимайся через полчаса. Пирог мы, конечно, с Варей утром доели, но это дело житейское. Так что «нечего кричать и капризничать», – цитирую я Золушку из старого фильма. Как-то вдруг я перестаю бояться дурного настроения Пэра. Он это чувствует и замолкает.

– Да ладно, Кира, чего ты на девчонку взъелся? Ну, пошла погулять, так когда ей еще гулять-то, как не сейчас? Пошли еще по граммалечке примем, и все будет тип-топ. Правда? – выглянул из-за плеча Пэра его приятель Маржа. В зубах у него так же неизменная сигарета. Маржецкий, или Володечка, или Маржа был хорошим знакомым по гаражу, а затем и другом Пэра. Он обладал взрывным темпераментом, громким голосом, чувством юмора и, что очень по-мужски, любовно-снисходительным отношением к женщинам.

Свою жену Леночку он баловал, в отличие от Пэра, который не умел заботиться о своих близких. Жаль, что и Пэра, и Маржу в конечном итоге убью именно сигареты. Но до этого еще далеко.

На коммунальной кухне полно соседей. Дверь мне открывают сразу, и больше никто на меня не обращает внимания. Мне же, напротив, хочется всех и все вокруг разглядывать заново. Вот пол, выложенный красновато-коричневой плиткой, еще дореволюционной. Вот металлические полосы на плитке, они показывают место, где прежде была огромная деревянная плита. Я любила в одиночестве танцевать на огромной кухне именно «от печки».

Вот темные деревянные полки по всему периметру кухни, а на полках чугунные утюги и жестяные коробки от печенья с ятями. На соседнем с нашим кухонным столом, на маленьком столике-тумбочке лежит толстая мраморная плита с отбитым краем. Это столик Матильды Федоровны, старожилы нашей квартиры. После нее столик никто не занимает. Когда-то Матильда Федоровна приехала в Петербург девчонкой на заработки и устроилась прислугой в генеральскую семью. Я любила ее расспрашивать о старых временах. Квартира тогда была большая, барская, но после революции ее разделили на две и заселили разным народом. В той половине, что стала нашей, прежде были детские комнаты, в них клеили голубые и розовые обои, для мальчиков и девочек. Была комната гувернантки, она станет моей, комнаты для прислуги и кухарки. Была ванная с печным отоплением, кухня, два туалета и кладовки. А еще был бесконечный темный коридор, по которому я в раннем детстве передвигалась вприпрыжку, это если горела лампочка. А в темноте шла потихоньку, ведя пальцем по стене, чтобы не наткнуться на что-нибудь.

Кухня

Не глядя, запускаю руку в карман старого мамино пальто, что висит на вешалке, и вытаскиваю длинный блестящий ключ от своей комнаты. Удивляюсь автоматизму своего жеста, который не исчез за долгие годы. Комната, любимая комната встречает меня настоящим теплом, слабым запахом мастики для пола и успокаивающим тиканьем часов. Тянет свернуться калачиком под клетчатым одеялом и забыться после путешествия в прошлое. Но я обещала Пэру обед. Отсутствие еды для него, словно красная тряпка для быка. К приходу мамы он будет уже ненавидеть весь свет. Большая удача, что я отыскала в запасах на нижней полке серванта тушенку. Сейчас, как еврейская мамочка, буду готовить обед на семью из одной курицы, то есть из одной банки. Глядя на мои кулинарные упражнения, а я одновременно варю кислые щи, пеку блины и делаю для них начинку из риса, мяса и морковки, Семен Осипович, сосед, старый еврей, только качает головой.

– Это надо же, как наловчилась делать кушать! И когда только выросла, ай-ай? Уже можно замуж брать, совсем можно!

– Нет, Семен Осипович, ну его замуж, не хочу, лучше когда-нибудь потом. А помните, как вы меня учили драники делать? Я на всю жизнь запомнила.

– Какую жизнь, о чем ты говоришь? Ты дядю Сему вырастешь и забудешь. И что значит, замуж не хочешь? Какая такая у тебя жизнь будет? Это совсем даже не жизнь, а горе. Слушай, что я говорю. Дядя Сема плохого не скажет. Э-э, да у тебя рис из кастрюльки выкипает! Убери скорее огонь, да тряпкой прихвати, отодвинь в сторону. Ой, дети, дети, как вы жить будете? – и он бросился мне помогать.

– Хорошо жить будем, интересно. Вот вы меня еще чему-нибудь полезному научите! Мне пригодится.

Я развеселилась от такого разговора. Семен Осипович только что вышел на пенсию и считает, что знает о жизни все.

– Плиту-то за собой подотри, не забудь! Ишь, заляпала! – проходя мимо и неодобрительно поджав губы, произнесла толстая Валентина. Была она баба глупая и завистливая.

– Непременно, товарищ начальник! Как скажете! – бодро отрапортовала я. – Любой каприз за ваши деньги! – добавила и весело ей подмигнула.

Соседи Сема и Валька, так звали их за глаза, смотрели на меня, не понимая. Кажется, я веду себя необычно. Вытащив из-за двери веник и бодро отсалютовав им, я отправилась убирать комнату родителей.

«А, что? В моем положении есть даже некоторые забавные моменты, – думала я. – Или привыкаю?»

«Литейный» гастроном

Дождавшись, когда Пэр поест и пообедит, я начинаю с ним разговор. Удивительно действует на Пэра тарелка супа! После еды, кофе и сигареты, он, пожалуй, готов со мной общаться. Вообще отношение Пэра к представительницам женского пола определяется тем, насколько они способны удовлетворять его потребности, в первую очередь физические. И не важно, являются ли они родственницами, или нет. Собственно, только для этого, он убежден, женщины и существуют.

Есть вопрос, который мне, к сожалению, не решить без Пэра. Но просьба познакомиться меня с бабкой Елизаветой вызывает у Пэра негативную реакцию. Он опять начинает заводиться. Благотворное действие блинчиков закончилось. Я прошу дать мне телефон дяди Игоря, его младшего брата. Он худо-бедно отношения с матерью поддерживает, как я слышала. Конечно, страшновато встречаться с Елизаветой Ивановной. У меня нет к ней теплого чувства, а я ей не интересна. Так что набиваться в родственники у меня желания нет. Это проблема. Большая проблема.

Вот и мама. Она пришла с работы, усталая, голодная. А нужно убирать, мыть, готовить и выносить раздражение Пэра. Мама – редкий человек, который умеет сделать любой день сверкающим, несмотря ни на что. Пока она раздевается, я успеваю шепнуть ей, что Пэр накормлен, посуду я сейчас вымою, а она пусть поест и пойдет отдохнет с книжкой у меня в комнате. Там тихо, никто не будет курить и мотать ей нервы. А я сбегаю в магазин. Хлеба, масла и сметаны действительно нет. Да и просто интересно, давненько я не была в советском гастрономе.

Бегу по весенним лужам. Так резво я не бегала тоже давненько. Легкость в ногах удивительная. Видно, тело влияет на мозги. В них тоже появляется легкость мыслей необыкновенная. Я могу купить масло и сметану в «низочке», маленьком подвальном магазине, что недалеко от дома. А хлеб в булочной на углу Чайковского. Однако ноги несут меня в «Литейный» гастроном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.